

Пелипенко Т.И., преподаватель истории, Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой (Россия)

КОЛДОВСТВО В СВЕТСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

В статье рассматривается отношение к «чарованью» (колдовству) в шляхетской среде Великого княжества Литовского в XVI – XVII вв. по материалам Литовской метрики. Несмотря на непосредственную территориальную близость и тесные культурные контакты с Польшей, где всевластвовал инквизиционный трибунал, судебные процессы над ведьмами в Литве редко заканчивались для обвиняемых чем-то большим, чем штраф и епитимья. Более того, юридическая неприкосновенность шляхты и особые шляхетский менталитет, сформировавшийся в XVII в., обусловили специфическое отношение к колдовству, как к одному из вспомогательных механизмов при создании «злой» репутации соперника по судебному разбирательству. Дела о ведовстве зачастую рассматривались светскими судами в рамках исков о причинении ущерба и не имели того религиозного фанатизма, которым отличались схожие разбирательства в Западной Европе. В статье обращено внимание на причины подобного лояльного отношения к «чарованью» в шляхетской среде, а также анализируются социальные и гендерные характеристики лиц, чаще всего обвинявшихся в колдовстве.

Ключевые слова: шляхта, колдовство, Великое княжество Литовское, гендерная история, шляхетская ментальность, литовская метрика, инквизиция, чародейство

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-02-61-66

В актах литовской метрики Гродненского повета есть примечательная запись об одном судебном разбирательстве. Литовский шляхтич Иван Таруса, мот и дуэлянт, требовал признать недействительным его брак с Мариной Кумпелевной Скипоровой, заключенный, как сам он утверждал, под воздействием колдовских чар. Жизнь Тарусы, как и полагалось в середине XVI в., была короткой и весьма увлекательной. Будучи типичным представителем шляхетского сословия, он с упоением судился за наследство со своей мачехой Анной Тарусой [2, с. 272, 307], воевал с опекуном жены Григорием Воловичем [2, с. 250, 254] и неугодными соседями [2, с.276] и даже был обвиняем в убийстве собственного брата Григория [1, с.420]. Что побудило буйного пана разорвать отношения с супругой – история умалчивает. Тем не менее, известно, что в 1557 году Таруса явился в Гродненский суд с требованием освободить его от семейных уз.

По словам шляхтича, Марина якобы опоила его «зельем», после чего тот утратил контроль над своими действиями и не понимал, что делает. В качестве доказательств «ведовства» Таруса привлек показания слуг и аргументы, что в здравом уме на столь непривлекательной и своенравной женщине не женится ни один шляхтич. Тот факт, что брак с Мариной продолжался уже не один год, почему-то никак не смущал пана: он настаивал на колдовстве и помутнении рассудка.

Случай для судебной практики Великого княжества Литовского далеко не уникальный: обвинения в «чаровании» мужа/жены, дома и даже урожая то и дела появляются в светских судебных разбирательствах на протяжении XVI – XVII вв. Дворяне Костюшкевичи обвиняли семейство Сенковских в наслании порчи, в результате которой у тех случился падеж скота и прочие неприятности в хозяйстве [9, с.44]. Фиренцеву судили за «чарованье» мужа, в результате которого тот тяжело заболел и чуть не умер [11, с.53].

Обвинений в колдовстве не гнушался и князь Андрей Курбский, чей развод с Еленой Гольшанской стал по истине хрестоматийным [7; 13].

Князь пытался обвинить бывшую благоверную в том, что та с помощью своей служанки якобы наслала на Курбского порчу, из-за чего его и преследовали всевозможные неудачи. Правда, по ходу самого процесса обвинения в колдовстве постепенно трансформировались в попытки отравления, а затем и вовсе были сняты с повестки [13, с.173 – 176].

Мотивы ведовства проскальзывают в сложных имущественных спорах между разводящимися супругами или родственниками, не поделившими наследство. При этом суд если и рассматривает подобные обвинения, то только в рамках гражданских исков о причинении вреда, не уделяя внимания религиозной/ мистической составляющей. В чем же

суть подобных притязаний и почему, не смотря на абсолютно индифферентное отношение официальных инстанций, обвинения в колдовстве практически перманентно присутствовали в судебной практике?

Нам необходимо остановиться на двух аспектах, каждый из которых требует пристального внимания. Первый, мистический – это отношение шляхтичей к колдовству, как к таковому, составляющая черта их сословной ментальности. Шляхтичи, безусловно, верили в бытовую магию. Обвинения в приворогах, порчах и желании извести всевозможными нестандартными способами встречаются в светской судебной практике довольно часто [6]. Необычным и крайне важным фактом является то, что шляхтичи всегда выступают либо как жертва, либо как заказчик колдовских действий, но никогда не «чаруют» сами. Даже в самых гневных обвинениях [9, с.5] неизменно присутствует исполнитель из «народа» – местная знахарка или личная прислуга. Это связано со сложными представлениями об особой шляхетской чести, в соответствии с которыми, среди прочего, колдовство считалось делом недостойным и порочащим имя рода. Шляхтянка не могла опуститься до того, чтобы быть ведьмой, а, если возникала необходимость обратиться к потусторонним силам, прибегала к помощи посредников из простонародья. Этот взгляд на колдовство, как на черту, свойственную только простолюдинам, автоматически снимал с шляхетских родов подозрения в сговоре с темными силами.

Каким бы простым и даже банальным ни казалось подобное объяснение, оно, тем не менее, подтверждается, прежде всего, фактом, что в Великом княжестве Литовском не было судебных процессов над «ведьмами» – представительницами шляхты. Напротив, все обвинения в колдовстве уже к середине XVI в. выглядят скорее, как неумелая месть или обида отвергнутых женихов и неизменно оборачиваются встречными судами об оскорблении шляхетской чести [6].

Великое княжество Литовское вообще известно своим весьма толерантным отношением к «чарованью». В то время, как в соседней и близкой по духу Польше всюду полыхали костры инквизиции, судебные процессы

о колдовстве в Литве даже для таких маргинальных групп, как проститутки и бродяги, редко заканчивались большим наказанием, чем штраф и епитимья. Что уж говорить о столь защищенном всевозможными привилегиями сословии, как шляхта! Слабость инквизиции в Великом княжестве Литовском объясняется рядом факторов: и светским характером власти, ориентировавшейся на экономические запросы панов; и наличием православной, а затем и униатской веры в качестве альтернативы католичеству [8, р.386].

В.Б.Антонович указывает так же на слабое развитие демонологии, как системы мировоззрения, в отличие от той же Западной Европы, где любое колдовство рассматривалось в контексте общения с Дьяволом. «Народный взгляд на чародейство был не демонологический, а исключительно пантеистический, – пишет исследователь. – Допуская существование в природе сил и законов, неведомых большинству людей, народ полагал, что многие из этих законов известны личностям, тем или иным образом успевшим проникнуть или узнать их. Само по себе, обладание тайною природы не представлялось, таким образом, делом греховным, противным учению религии» [9, с.7]. Это некоторым образом объясняет и мягкость наказаний и сам факт, что обвинения в чародействе зачастую рассматривались светскими судами без обращения к духовному уряду.

Второй аспект обращения к «ведовству» судившихся панов в качестве аргумента в светском суде связан с вещами гораздо более земными, можно даже сказать – меркантильными. Судебная система Великого княжества Литовского знала три вида развода (по вине жены, по вине мужа, без чьей-либо вины) [3, Разд.V, арт.8; 4, Разд.V, арт.20] плюс процедуру признания брака недействительным [4, Разд.V, арт.22]. От того, на чьей стороне окажется суд, зависела судьба имущества, зачастую немалого. При разводе по вине мужа приданое и вено оставались у женщины, по вине жены – приданое и вено отходили в род мужа, без чьей-либо вины или же при признании брака недействительным – каждый из супругов оставался при своем.

К обвинениям в колдовстве прибегали в стремлении очернить жену или мужа, как это делал, например, тот же Андрей Курбский,

чтобы добиться выгодного решения суда в имущественных вопросах. «Чарованье» входило в негласный перечень качеств «злой» жены, но речь шла скорее о некоем абстрактном конструкте, нежели о действиях конкретных людей. Подобно тому, как торжественные панегирики на смерть знатных шляхтичей перечисляют благочестивые черты в соответствии с канонами и редко отражают реальный характер конкретного человека, так и обвинения в сварливости, беспокойности, неласковости etc. включаются в судебные притязания к конкретной персоне лишь для того, чтобы настроить суд против нее в рассматриваемом деле. В большей степени это был даже в каком-то смысле ритуал, а не перечень конкретных обвинений. Впрочем, ритуал – имевший весьма яркую гендерную окраску. В применении «чар» чаще всего обвиняли женщин – шляхтянок, тогда как жертвами чаще становились мужчины – шляхтичи. Можно предположить, что такое гендерное разделение было связано с представлениями о женщине, как о более слабом в физическом смысле существе: не всегда имея возможность противостоять мужчине на равных, дамы обращались за помощью к потусторонним силам. В.В.Долгов, например, упоминает о женском стремлении прибегать к колдовству, как некоторой «компенсации» за физическую слабость, а также говорит о древних представлениях, что женщины изначально менее нравственны, чем мужчины, и, следовательно, больше склонны к употреблению магии, прежде всего любовной, связанной с сексуальностью [12, с.243 – 244]. В отношении Великого княжества Литовского это может быть верным лишь отчасти, поскольку шляхтянки зачастую лично возглавляли ктвалты на имения обидчиков и «слабой половиной» уж точно не считались [14; 15; 16].

Исполнителями ведовства в равной степени могли быть представители обоих полов. М.В.Довнар-Запольский в своем исследовании упоминает о двух знаменитых старцах, Карпе и Кузьме, живших в конце XVI в., лечивших от «стыдных» болезней и помогавших в поисках пропавших вещей [11, с.53 – 55]. Сведения о других «упырях» и «ведунах», обитавших на окраинах крупных городов и оказывавших магические услуги, со-

хранились и в судебных актах Великого княжества Литовского [6, с.143; 146; 169 etc.]. Это ставит под сомнение тезис о том, что в сознании людей позднего Средневековья и раннего Нового времени ведовство напрямую было связано исключительно с женским началом. Если для Западной Европы основной была именно сексуальная риторика (вспомнить хотя бы печально знаменитый «Молот ведьм», представлявший ведовство как агрессивное посягательство на мужскую сексуальность вплоть до физических увечий), то в Великом княжестве Литовском магия скорее носила прикладной характер: заморозить земского судью, чтобы выиграть спор о наследстве, «зачаровать» дом на разорение, навлечь болезнь на соперника etc. [10, с.49 – 51]. Нельзя отрицать, что связь с женским началом присутствовала. Н.В.Слиж, например, отмечает, что наиболее часто в колдовстве обвинялись женщины, занимавшиеся проституцией, т.к. им нужно было завлечь, одурманить, то есть – «зачаровать» мужчину [17, р.121 – 122]. Однако связь эта не была роковой, в отличие от Западной Европы. Красота, сексуальность женщины, ее стремление нравиться и хорошо выглядеть воспринимались вполне светски, в контексте общепринятых норм поведения, а не в русле религиозной риторики. Даже самые яркие моралисты того времени, такие как Михалон Литвин, осуждавший литовских шляхтянок за чрезмерную «распушенность» [5, с.90], избегали параллелей с магическими действиями и сексуальностью.

Большинство дел, где так или иначе звучали обвинения в колдовстве, сводились к имущественным распрям шляхтичей: это были дела о трудных разводах, причинении ущерба в результате ктвалта (шляхетского наезда), запутанных любовных «треугольниках», где важно было любыми способами доказать законность имущественных притязаний и проч. Возвращаясь к выше упомянутому герою, Ивану Тарусе, следует отметить, что никакой очевидной имущественной выгоды от признания его брака недействительным мы не видим. После того, как суд проигнорировал его «мистические» обвинения, шляхтич все же развелся с Мариной любовно, в качестве причины расставания, не мудрствуя лукаво, указав несогласную жизнь

супругов и частые ссоры [1, с.413 – 414]. Поскольку супруги не были венчаны, да и сама Марина к тому времени уже, судя по всему, не горела желанием продолжать семейную жизнь с Тарусой, их развели без каких-либо сложностей «без чьей-либо вины». Чем был

вызван первоначальный «фортель» князя – стремлением опорочить немилую супругу, данью традиции, непременно выставлявшей «злых» жен колдуньями или же сиюминутной вспышкой гнева – мы, пожалуй, уже никогда не узнаем.

Список литературы

1. Акты, издаваемые Комиссиею высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне. В 23 т. / Т.17. Акты Гродненского земского суда. – Вильна: Тип.А.Г.Сыркина. 1890. – 638 с.
2. Акты, издаваемые Комиссиею высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне. В 23 т. / Т.21. Акты Гродненского земского суда. – Вильна: Тип.А.Г.Сыркина. 1894. – 418 с.
3. Другий Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. [Электрон. ресурс] URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения – 14.02.2019 г.)
4. Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения – 14.02.2019 г.)
5. Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.:Изд-во Москв.Унив.-та, 1994. – 151 с.
6. Судебные процессы над ведьмами в Литве / Подгот. К. Яблонскис, Р. Ясас. Вильнюс: АН ЛитССР, Ин-т истории, Центр. б-ка АН Лит.ССР; Мокслас. 1987. – 432 с.
7. Филюшкин А.И. Князь Курбский. / А.И.Филюшкин. – М: Молодая гвардия. 2008. – 302 с.
8. Pilaszek M. Procesy o czary w Polsce w wiekach XV – XVIII / М. Pilaszek. – Kraków:UNIVERSITAS. 2008. – 554 p.
9. Антонович В.Б. Колдовство. Документы – процессы – исследования. / В.Б.Антонович. – Пб: Тип. В.Киршбаума. 1877. – 139 с.
10. Антонович В.Б. Заклинания против чар / В.Б.Антонович // Этнографическое обозрение. М: Императорское Общество Любителей Естествознания, Археологии и Этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском Университете. 1900. №2. С.49 – 72.
11. Довнар-Запольский М.В. Чародейство в Северо-Западном крае в XVII – XVII вв. Историко-этнографический этюд / М.В.Довнар-Запольский // Этнографическое обозрение. М: Императорское Общество Любителей Естествознания, Археологии и Этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском Университете. 1900. №2. С. 49 – 72.
12. Долгов В.В. «Зло есть женская прелесть» (сексуальная жизнь древних руссов XI–XIII вв. и их отношение к женщине / В.В.Долгов // Женская и гендерная история / Отв.ред. Н.Л.Пушкарева. М.: Рос. Акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; СПб.: Алетейя, 2003. С.237 – 248.
13. Ерусалимский К.Ю. История одного развода / К.Ю.Ерусалимский // Соціум. Альманах соціальної історії / Гол. Ред. В.А. Смолій; відп.ред. В.А. Горобець. Вып.3, 2003. Киев: Інститут історії України НАН України С.149 – 176.
14. Пелипенко Т.И. Опекa и ограничение имущественных прав шляхтянок в Великом княжестве Литовском в середине XVI в. // Вестник СПбГУ. Серия 2. выпуск 3, 2015. С.4 – 10.
15. Пелипенко Т.И. Положение шляхтянок в обществе Великого княжества Литовского в раннее Новое время // Вестник СПбГУ. Серия 2. вып.4., 2012. С.152 – 158.
16. Пелипенко Т.И. «Свободная женщина» Литовской Руси: к вопросу о социальном положении шляхтянок в Великом княжестве Литовском в XVI веке // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4 – 7 октября 2012 г., Тверь. – М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С.166 – 169.
17. Сліж Н.У Прастытуцыя ў Вялікім княстве Літоўскаму у XVI–XVII стст. / Сліж Н.У // Соціум. Альманах соціальної історії / Гол. Ред. В.А. Смолій; відп.ред. В.А. Горобець. – Киев: Інститут історії України НАН України 2017. Вип. 13–14. С. 113–126.

**WITCHCRAFT ON SECULAR COURT PRACTICE
IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA**

The article is devoted to the attitude towards witchcraft in Lithuanian noble society in XVI – XVII cc. According to the different materials from the Lithuanian Metrics witchcraft wasn't serious crime. Despite on Polish cultural and religious influence there were no a lot of trials devoted to the witches. Also there were no a lot of executions except the penance or fine. Often Lithuanian gentry used the accusations of witchcraft for their own lucre. At the secular court they used that accusations to get some property. The author pays her attention to the different reasons of that loyalty to the witchcraft and analyzes gender features of it.

Keywords: Witchcraft, nobility, Grand Duchy of Lithuania, gender history, mentality, inquisition, metrics of Grand Duchy of Lithuania, wizardry

References

1. The acts issued by the highly established Commission for the analysis of ancient acts in Vilna. In 23 vol. / V.17. Acts of the Grodno district court. - Vilna: printery .A.G.Syrkina. 1890. - 638 pages.
2. The acts issued by the highly established Commission for the analysis of ancient acts in Vilna. In 23 vol. / V.21. Acts of the Grodno district court. - Vilna: printery .A.G.Syrkina. 1890. - 418 pages.
3. Second Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1566. [Web. source] URL: <http://lito-pys.org.ua/statut2/st1566.htm> (appeal date - 14.02.2019)
4. The Statute of the Grand Duchy of Lithuania in the year 1588 [Web. source] URL: <http://star-bel.narod.ru/statut1588.htm> (appeal date - 14.02.2019)
5. Litvin M. About the customs of Tatars, Lithuanians and Muscovites. M.: Moscow University Publishing House, 1994. - 151 pages.
6. The witch trials in Lithuania / Prep. K. Jablonskis, R. Jasas. Vilnius: Academy of Sciences of the Lithuanian SSR, Institute of History, Center. b-ka Academy of Sciences Lit.SSR; Moxlas. 1987. - 432 pages.
7. Filyushkin A.I. Prince Kurbsky. / A.I.Filyushkin. - M: Young Guard. 2008. - 302 pages.
8. Pilaszek M. Witchcraft trials in Poland in the XV-XVIII / M. Pilaszek. - Krakow: UNIVERSITAS. 2008. - 554 pages.
9. Antonovich V.B. Witchcraft. Documents - processes - research. / V.B. Antonovich. - PB: Printery. V.Kirshbaum. 1877. - 139 pages.
10. Antonovich V.B. Spells against charms / V.B. Antonovich // Ethnographic review. M: The Imperial Society of Devotees of Natural Science, Archeology and Ethnography at Moscow University. 1900. №2. Pages 49 - 72.
11. Dovnar-Zapolsky M.V. Sorcery in the Northwest Territory in the XVII - XVIII centuries. Historical and ethnographic etude / M.V. Dovnar-Zapolsky // Ethnographic review. M: The Imperial Society of Devotees of Natural Science, Archeology and Ethnography at Moscow University. 1900. №2. Pages 49 - 72.
12. Dolgov V.V. "The Evil is a feminine charm" (the sexual life of the ancient Russians of the 11th-13th centuries and their attitude towards women / V.V. Dolgov // Women's and Gender History / Ed. Ed. N.L.Pushkareva. M. : Ros. Acad , Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology named after NN Miklukho-Maklay; SPb. : Aleteya, 2003. P.237 - 248.
13. Erusalemski K.Yu. The History of One Divorce / K. Yu. Erusalemski // Sosium. Almanac of Social History / Goal. Ed. VA Smolij; vd.p. V.A. Sparrow. Issue 3, 2003. Kyiv: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, pp. 149 - 176.
14. Pelipenko T.I. Custody and restriction of property rights of the nobility in the Grand Duchy of Lithuania in the middle of the XVI century. // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2. Issue 3, 2015. pages 4 - 10.
15. Pelipenko T.I. The position of the nobility in the society of the Grand Duchy of Lithuania in the early modern times. // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2. Issue 4, 2012. pages 152-158.
16. Pelipenko T.I. "Free Woman" of Lithuanian Rus: the social status of nobility in the Grand

Duchy of Lithuania in the 16th century // Women and Men in the Context of Historical Changes: Materials of the Fifth International Scientific Conference RAIZHI and IEA RAS, 4 - 7 October 2012, Tver. - М.: IEA RAS, 2012. Vol. 1. pages 166 - 169.

17. Slizh N.U. Prostitution in the Grand Duchy of Lithuania in XVI-XVII centuries. / Slizh N.U. // Sosium. Almanac of Social History / Gol. Ed. V.A. Smoliy; ed. V.A. Gorobets. - Kiev: Institute istorii Ukraine National Academy of Sciences of Ukraine 2017. Vol. 13-14. pages 113-126.

Об авторе

Пелипенко Татьяна Игоревна – преподаватель истории кафедры общеобразовательных дисциплин Академии русского балета имени А.Я. Вагановой (Россия), E-mail: pelipenkojob@gmail.com

Pelipenko Tatiana Igorevna – lecturer, Vaganova Academy of Russian Ballet, (Russia), E-mail: pelipenkojob@gmail.com